

ЕВРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ В ОДЕССЕ И ОДЕСШИНЕ В 1905 г.

4 дня продолжался жуткий, потрясающий погром не только в самом городе и его окраинах, но и в близлежащих местечках, селах и даже предместьях железнодорожных станций, захватив, таким образом, весь округ Одесщины.

Жестокость и злоба средних веков бледнеют иногда и уступают место тому, что творили в 1905 г. темные, разнузданные и оголтелые звери-люди с ни в чем неповинным еврейским населением, исключительно его беднотой и трудовой рабочей массой. Тысячи раненых, сотни убитых, десятки тысяч оставшихся без крова, без имущества, без заработка, тысячи сирот, страдания, проклятия...

Погром в Одессе, как, собственно, и в других местах, был вызван по приказу свыше и уже подробно разработан на месте, в зависимости от специфических туземных условий.

Начавшись в три часа дня 19 октября, погром принял огромные и жестокие размеры 20 го 21-го и закончился 22-го, когда программа, заранее предначертанная, была прекрасно выполнена полицейской властью под непосредственным руководством градоначальника Нейдгардта и командующего войсками ген. Каульбарса.

Материалы по организации погрома, как и по ходу событий, были в свое время в значительной степени извлечены (возможно, даже уничтожены на „всякий случай“) из архивов охранного отделения жандармского управления и градоначальства. н. „сенаторской ревизий“ Кузминского и обратно уже в хранилища не поступили. Оно и понятно. „Сенаторская ревизия“ д. тайн. советника Кузминского, пришедшая к заключению, что „погром, продолжавшийся в Одессе 18 — 22 окт. и сопровождавшийся многочисленными жертвами убитыми и ранеными, явился в значительной мере по вине чинов местной полицейской власти, которая не только не принимала никаких мер к предотвращению означенного погрома, но проявляла прямое потворство преступным посягательствам... и проявила прямое сочувствие погрому евреев“... Чрезвычайно осторожно подходя к освещению картины кровавых дней Одесщины и лишь намеками касаясь деятельности активных руководителей его, тайный советник должен был „увезти“ материалы, которые должны были скомпрометировать не только лиц местного высшего начальства, но и все царское правительство, откуда шли все распоряжения и приказы.

Все нижеприведенное составлено на основании случайно оставшихся недосмотренными материалов охранного и жандармского архивов и особенно ценных дел архива „Общественного Комитета по оказанию

помощи пострадавшим от погрома“ и ныне находящегося в хранилищах одесского Истпарта.

Погром фактически начался еще 16 октября, когда во всем городе происходили политические демонстрации, когда сознательная передовая часть общества, интеллигенция, учащая молодежь вместе с рабочими массами строили баррикады, вели ожесточенную борьбу с царскими опричниками — казаками и жандармами. Чувствуя перевес на стороне революционеров, полиция, разработав за много времени до погрома детальный план действий, издала приказ „начинать“.

„Погром был назначен у нас в участке, — откровенно заявляет городской, — еще две недели назад... Получен был секретный приказ из Петербурга о том, чтобы разбить евреев¹⁾... „За несколько дней до погрома, — пишет пострадавший Вейнблат в своей анкете, — городовые предупреждали соседей, чтобы они выносили свои товары, так как ожидается избиение и грабеж евреев“²⁾.

Насколько все было организовано, можно заключить из того, что час, минута погрома были точно установлены полицией. Так, напр., помощник пристава Калолий, отличившийся своей жестокостью во время погрома, посмотрев на часы, сказал стоявшей на базаре толпе из передетых городских и наемных хулиганов — как то: воров, убийц, выпущенных из тюрьмы рецидивистов и проч.: „Ребята, пора начинать, в городе уже разбивают, нельзя опаздывать, всем приказано в одно время приступить... Айда, с богом!“ Знали где, кто в какой квартире проживает, кому какой магазин или мастерская принадлежит, сколько человек в семье и находятся ли русские в еврейских квартирах, знали самые мельчайшие подробности: количество комнат, расположение их, устройство подвалов, чердаков, на которых могли прятаться евреи и пр. В данном случае много помогли полиции дворники, сообщавшие о своих домах, и даже некоторые „добровольцы“-соседи. „В нашем доме только две семьи жидов, а человек-то 12, подвал один, а на чердак не полезут“, — передает дворник дома по Колонтаевской участковому надзирателю. „В среду и четверг 3 городских и один штатский ходили по улице и спрашивали русских торговцев, где помещаются еврейские лавки, и тут же отмечали, — передает свидетель Барский³⁾; — в четверг новые городовые ходили по домам, собирали сведения у дворников, предупреждали русских: „Знайте, люди православные, жида будут русских резать“... Аптекарский ученик Островский сообщает⁴⁾: „Один из хулиганов вошел в аптеку Рехта и сказал, что полиция велела им грабить и убивать евреев, что они разделены на несколько частей, а именно на 16, и каждая часть грабит известный район, выразил неудовольствие, что им достался бедный район и что им после грабежа придется только по 1 р. 50 к.

¹⁾ Дело Общественного Комитета № 88.

²⁾ Ibidem, № 696.

³⁾ Ibidem, № 312.

⁴⁾ Ibidem, № 39

на брата". Бухгалтер Линецкий сообщает Общественному Комитету ¹⁾: „На углу Еврейской и Пушкинской я видел даму, прилично одетую, которая читала столпившимся 8 — 10 человек (среди них 2 дворника) какую-то прокламацию или приказ от полиции; очевидец слышал только слова: „надо вырезать всех жидов". На просьбу мою дать мне прокламацию, дама отказала и ушла по направлению к Дерибасовской, между Пушкинской

На улицах Одессы — убитый погромщиками.

и Польской вошла в гимназию Малько. Линецкий все время следовал за нею, дошел до гимназии Малько, но вынужден был обратиться в бегство, так как дама эта вышла с каким-то прилично одетым господином и двумя, вероятно, швейцарами и грозила его застрелить. Надзиратель Иванов созвал на Таможенной площади переодетых городских и обратился с такой речью: „Вот, братцы, есть приказ градоначальника, что вам дается свобода на все 4 стороны, делайте, что хотите, пейте жидовскую кровь, бейте, убивайте, только христиан, где есть ик ны, не трогайте" ²⁾. 16 октября, накануне официального дня погрома, полиция совместно с частями войск начала арестовывать по улицам евреев без всякого повода. „По распоряжению полицеймейстера в одном Бульварном участке в течение нескольких часов было задержано на улице 214 человек исключительно евреев, — сообщает даже сенатор Кузминский, — и они были доставлены все в участок, в числе их находилось много женщин

¹⁾ Дело Общественного Комитета, № 55.

²⁾ Ревизия Кузминского: дело жанд. упр. № 15, т. 2, 1905 г.

и 13 детей, в возрасте от 12—14 лет“¹⁾. В участке произошло невероятно жестокое избиение, — подтверждает тайный советник Кузминский: „сначала их сталкивали с лестницы в нижнее подвальное помещение, служившее арестантским отделением, при чем многие из них падали, а затем стоявшие шеренгами городовые и солдаты наносили им побои шашками, резинами, нагайками и кулаками в разные части тела; некоторых из задержанных женщин били до истерики, до потери сознания“.

В Херсонском участке, как и во всех остальных участках, повторялось то же самое. В течение одного дня было арестовано одних евреев 1200 человек, большинство из них были тяжело ранены, несколько человек скончалось от побоев, трех отправили в дом умалишенных. В участках пытали, приставляли револьверы к вискам и заставляли петь „боже, царя храни“. „Один надзиратель, размахивая револьвером, заставлял нас бегать по камере, а в это время он стрелял в нас, при чем ранил несколько человек. Стоявшие близ него два городских хохотали и кричали: так им надо, жидам, революцию устраивать больше не будут“ — сообщает один из арестованных. Другой пострадавший передает: „После того, как нас избили, начался допрос, сопровождавшийся все время ударами по лицу и телу нагайками и шомполами... Кровь залила лицо, от боли я ничего не мог сказать, слышал вокруг себя стоны, крики, выстрелы и хохот“... Другой пострадавший передает: „Меня схватил какой-то не то офицер, не то полицейский, не знаю даже, как он очутился в камере, ударил меня по лицу и, открыв мне рот, обеими руками схватил за язык... „вот, вырву тебе язык, жидовская морда, будешь агитировать... Язык выскользнул из пальцев его, я бросился в угол камеры, но он меня нагнал, я упал, а он затем больно стал избивать меня шашкой и сапогами...“ „Нам ничего не будет, напротив, наградят, если мы всех жидов вырежем... — кричал пристав в Михайловском участке, — приказано покончить со всеми вами; пора уже... вот завтра, послезавтра, узнаете“²⁾.

Из палачей особенно отмечены: пристав Шишкин, пом. полицеймейстера Кисляковский, пом. прист. Павленко. Последний, избивая арестованных в присутствии пристава Шишкина и др. полицейских чинов, кричал: „А, жида, мы вас всех перережем, еще не то вам будет“³⁾. „Били все чины полиции, — констатирует Кузминский, — начиная с высших и кончая городовыми. Били „жестoko“, „бездушно“⁴⁾. Картина погрома может быть представлена особенно ярко на основании одних показаний пострадавших.

„Жестокостью, тупой злобой были одержимы все“, — отмечает и Кузминский. Самые жуткие, чудовищные дни приходятся на 20 и 21 октября. Толпы, состоявшие из переодетых полицейских, жандармов, солдат

¹⁾ Были даже дети в возрасте 8 — 10 лет.

²⁾ Дело Общ. Ком., анк. № 50.

³⁾ Ревизия сен. Кузминского.

⁴⁾ Ibidem.

и небольшой кучки пьяных хулиганов — главным образом, воров, сутенеров, предводительствуемые исключительно надзирателями, приставами, порой офицерами, грабили, убивали, истязали евреев. Среди грабителей можно еще отметить чиновников почтово-телеграфной конторы, так, например, один из служащих почтовой станции на Институтской и Градонач убил несколько человек и предводительствовал отрядом¹⁾. Участвовали и юнкера, которыми были убиты в одном доме

После погрома — разоренные и бездомные.

4 человека²⁾. Санитар Островский сообщает: „Впереди толпы стоял священник Покровской церкви в полном облачении, с крестом. Когда мы подошли к толпе, священник говорил топле: „Я сам видел, что жида убили 30 наших, они разбойники. Не нужно раненых, их нужно убивать“³⁾. В погроме принимала участие городская артель, проживающая в д. Гилятовского по Балтовской ул. № 10; темные бессознательные рабочие Московской таможенной артели, приняв в начале погрома участие, оправдывались впоследствии, что, мол, мы сами не знали, как это случилось. „Нам говорили, что ст полиции есть приказ резать евреев“⁴⁾. Отмечены в участии в погроме некоторые рабочие фабрики

¹⁾ Арх. Общественного Комитета № 552.

²⁾ Ibidem, № 153.

³⁾ Ibidem, № 502.

⁴⁾ Ibidem, № 435.

Кузнецова (чайной фирмы) и бондарной Анашкина, а также служащие магазина Чернухи и рабочие казенного очистного склада. Но все это незначительно. Главный и исключительный элемент — это полиция, жандармы и войска, из которых преимущественно казаки и пехота 59-го Люблинского полка. Казармы служили уже складочным местом, куда свозилось все награбленное и делилось. „Складочным пунктом я могу указать на казацкие казармы, — сообщает пострадавший, — там многое вы увидите, хотя по дороге они, казаки, щедро одаряли своих знакомых“¹⁾. Офицеры командовали и распоряжались награбленным: „неси в пятую роту“, — солдат отвечал: „нет места в пятой роте“. Погром производился под звуки музыки и пения царского гимна. Кузминский отмечает: „Под звуки гимна толпа, состоявшая из взвода солдат и 18 городских под предводительством помощника пристава Яшниченко избивала близь Херсонского участка. Сидя на „трофейной“ пушке, он призывал к избиванию евреев, раздавал оружие: „будем бить жидов и студентов, пока мы всех их не перебьем“.

„До чего озверела полиция, — должен признаться сенатор Кузминский, — можно видеть по тому, как городовые надзиратели расстреливали, убивали людей, как толпа во главе с надзирателем Ивановым расстреляла в одной квартире и выбросила с верхнего этажа 14 человек, преимущественно женщин и детей“.

„Убивали в озлоблении даже русских, принимая их, очевидно, за евреев“. Из студентов русских было убито 6 чел. „На моих глазах ломом и косою пристав Калолий убил 7 чел. по Городской ул., а головой одного играл, как мячом“. Иступленный и жесточайший садизм, утонченное зверство отмечено бесчисленными свидетельскими показаниями, так, например, выкалывали глаза, срезали части тела, распарывали животы, у одной беременной женщины из живота вытащили ребенка“. Водном доме, — устанавливает Кузминский, — было убито 29 чел. евреев. (Картамышевский пер. № 7). Полицией было намечено, вероятно, количество жертв. „До тех пор, пока не вырежем 2.000 жидов, мы не успокоимся“, — заявил пристав Яшниченко. Надзиратель Полтавченко открыто заявил: „Нам приказано убить не меньше 5.000 жидов“. „Убивайте, убивайте жидов, убивайте и тех приятелей их, которые ховают жидов“. Убивали топорами, секачками, железными прутами, дубовыми палками, молотками, ломами, косами, финскими ножами. Казаки выбрасываемых из квартир убитых и раненых поднимали на штыки. Одеситам памятен образ зверя-хулигана надзирателя Рыбчинского, расстрелявшего железнодорожную самооборону. „Рыбчинский подошел к убитому мастеровому Урбановичу и, достав у него бумажник и записную книжку из кармана, громко сказал хулиганам: „Господа, вот у него 100 руб., имейте в виду, жиды купили железнодорожную оборону, дали им деньги и те их защищают. Не щадите их, убивайте“²⁾.

¹⁾ Арх. Общественного Комитета № 281.

²⁾ Ревизия Кузминского.

Пострадавший Гринсблат сообщает следователю: „Казаки срезали головы и усаживали их на пики — так и разъезжали по городу“¹⁾. На Прохоровской ул., д. № 73, были убиты все евреи в количестве 54 чел. „Когда нас призвели в участок, — рассказывает раненый Вандерман (Раскидайловская № 4), — дежурный надзиратель сказал: „пока не вырежут всех жидов, до тех пор не будет порядка в России“. Раненый просил дать ему хоть немного воды, чтобы омыть лившуюся с лица кровь, но надзиратель крикнул: „не надо, все равно через 2 часа повесят“²⁾. Магие Абрам, тяжело раненый, сброшенный с 3 этажа, передает: „солдаты взобрались на верхний этаж и изнасиловали всех спрятанных там девушек. Убито у нас 8 чел. и все изранены. Полиция сдирала кольца с пальцами, серьги с ушами, забирали деньги, избивали всех, кто только им встречался“³⁾. Раненая Досик, по Средней ул. № 31, рассказывает⁴⁾: „Они, эти казаки хотели отрезать у меня палец, так как колец нельзя было снять, но я их умоляла оставить палец и кое-как сняла кольца и отдала им“. Двойра Смоляр передает ужасную картину убийства в д. № 5 по Картамышевской ул., когда при ней было убито 35 чел.: „Я видела кругом трупы, и это на чердаке и сама я плавала в лужах крови“⁵⁾.

„А в нашем доме, — рассказывает раненая Рахиль Померанц, — было убито 18 душ — Спиваков, Мильман с женой, сапожник с женой, резник Лейба и много других. Ранены же все“⁶⁾. Рейхнис сообщает: „Я видел убитых Райхера и Вайдобера и как хулиганы-городовые двух женщин изнасиловали“⁷⁾. Раненая старуха Подкаминер рассказывает, как избивали ее тупым орудием, а сына, после того, как долго избивали, сбросили с чердака⁸⁾. Санитарный отряд, прибывший в один из пострадавших домов, застал, как показывает это д-р Де-Буше, потрясающую сцену: „в комнате, залитой кровью и обрызганной человеческими мозгами, висела женщина вниз головой, привязанная ногами к крючку, а вокруг нее в виде кольца разложены на полу 6 убитых ее детей таким образом, чтобы мать могла, свисая вниз головой, видеть всех их вокруг себя“. Администрация еврейской больницы передает, что в больницу была привезена женщина еврейка 35 лет в состоянии оцепенения: на глазах у нее разодрали пополам ее единственного ребенка в то время, когда ее два казака держали за руки и заставляли смотреть на то, что проделывали другие звери.

Сендеревич Бася, раненая в д. 21 по Городской ул., не в состоянии передать жуткой картины истязаний и убийства 8 чел. на ее глазах...

1) Дело Общественного Комитета, № 451 и 484.

2) Ibidem, № 679.

3) Ibidem, № 109.

4) Ibidem, № 31.

5) Ibidem, № 176.

6) Ibidem, № 415.

7) Ibidem, № 445.

8) Ibidem, № 569.

„Я помню, как вырывали языки, одному голову отрезали и понесли... и все делали городовые и надзиратель, я их всех знаю...“¹⁾. „Я лежала сутки без памяти рядом с убитой дочерью и тяжело раненым сыном“, сообщает раненая Райхель“²⁾. „Убивали и грабили казаки, солдаты и полиция. Я узнал переодетого надзирателя Петропавловского участка, — передает раненый Марницкий; — у соседнего дома было убито 25 чел. Моего единственного ребенка, двухлетнего, один из городских схватил за ноги и ударил о стену, а затем сбросил со второго этажа“³⁾. Кравец Герц сообщает: „На моих глазах была убита ужасным образом женщина. Впереди шли солдаты с офицером во главе, за ним полицейские с околоточным надзирателем, а позади толпа хулиганов... Я был свидетелем следующего: когда некоторые из жителей останавливали патрули солдат с вопросами: будет ли уже спокойно, то один из солдат ответил, что было бы всегда спокойно, если бы не полиция, которая и теперь старалась подкупить их, обещая по 2 — 3 руб. награды“⁴⁾. В более бедных районах полицией были установлены более низкие цены за убитых. Так, городской Яков Чумак, по установленной участком расценке, предлагал 50 к. за зарезанного ребенка и 1 руб. за взрослого⁵⁾. Нейриш сообщает, что сосед его, Бузин Якоз, откупившийся от хулиганов, может доказать свидетельскими показаниями, что хулиганы заявили ему, что они все переодетые войска и полиция и что они получают за это дело 5 руб. в день жалованья⁶⁾. Погромщики ничем не брезговали: рабочий столяр Тышер Гершон пишет: „когда я был ранен и лежал, с меня хулиганы сняли пальто, в котором было 2 р. 50 к., приготовленные для уплаты за квартиру. Жена же, беременная, от побоев сбросила ребенка и в этот момент сняли у нее с ног ботинки, платье, шаль и 50 коп. денег“⁷⁾. Некоторые дома осаждались войсками и полицией, брались штурмом, а затем уже с побежденными расправлялись невероятно жестоко.

Так, дом по Средней ул. № 43 был взят приступом казаками после часового наступления. Во время разгрома все его жители были ранены, убита девушка и несколько мужчин⁸⁾. Множество домов было разрушено пулеметами. Приказчик Гольденберг сообщает, как брали дом на Мясоедовской № 14, как разрушали его: впереди наступали с барабанным боем войска, за ними грабители. В дом ворвалось несколько солдат с криком „ура“, остальные открыли огонь. В этом доме, на месте, после взятия дома, было убито 8 чел. и около 40 раненых. Толпа городских и солдат после долгой осады, наконец, взяла дом № 7 по

¹⁾ Дело Общественного Комитета, № 783.

²⁾ Ibidem, № 704.

³⁾ Ibidem, № 623.

⁴⁾ Ibidem, № 613.

⁵⁾ Ibidem, № 619.

⁶⁾ Ibidem, № 532.

⁷⁾ Ibidem, № 463.

⁸⁾ Ibidem, № 343.

Картамышевской ул. Ворвавшись во двор с портретом царя, она собрала евреев, потребовала снять шапки, стать на колени, кричать „ура“ и петь „боже, царя храни“. Затем потребовали дать им контрибуцию. Было собрано все, что имели при себе евреи — 20 руб., и отдали им. Но этих денег было для них мало и тогда они принялись за грабеж, насилие и избиение. Было убито много человек, женщины изнасилованы и почти все ранены. Особенно отличился своим зверством надзиратель Понятовский, известный своим походом на дом № 7 по Виноградской ул.¹⁾ „Три дня грабить, убивать нам приказано, — кричали городовые, — и никто ничего нам сделать не может“. „На мою просьбу, — сообщает Рабинович, — оставить наш дом, знакомый городской предложил: „Лучше, чтобы евреи сами сбрасывали себя с балконов и чердаков, и все равно, как бы они ни защищались, указ истребить евреев в течение трех дней будет безусловно осуществлен“²⁾. В этот день дом был разграблен, сожжен и много человек погибло. Упоенные кровью звери не щадили санитаров, сестер милосердия. Около 100 чел. из летучих отрядов было убито и ранено. Жуткую, потрясающую сцену дает нам свидетельское показание одной сестры милосердия, которое мы считаем нужным для полноты картины погрома воспроизвести полностью³⁾:

19 октября, в 4 часа дня Я, мешанка Фаня Ароновна Бейзер, девица 19 лет, проживающая по Малороссийской ул № 68 (сестра милосердия в еврейской больнице), с тремя сестрами милосердия и санитаром, проезжая по Прохоровской ул. уг. Степовой видела, как 4 надзирателя с городовыми, солдатами пехотинцами, казаками, прикрывавшими хулиганов, человек 200, ходили по улицам, убивали, стреляли и грабили прохожих и жителей в домах.

Приблизившись к одному дому при казармах, нас встретили хулиганы и преложили подождать, пока они убьют еще одного „жида“, заявив, что на чердаке они уже убили много „жидов“. Мы отправились на чердак и убедились в справедливости их заявления, там было много убитых и раненых евреев. Там еще были некоторые хулиганы, которые разможили черепа и наполнили их перьями, тряпками и прочим мусором. Мы их просили перестать, но они не внимали нашим просьбам. Мы забрали одного раненого и отправились с ним в больницу; в это время нас начали догонять четверо детей в возрасте от 2 до 8 лет, родителей которых убили. Они, плача, умоляли взять их с собой, говоря: „Папу и маму уже убили, а мы успели спастись“. Мы их хотели взять, но они были задержаны городовыми и солдатами, бившими и, кажется, убившими их. Надзиратели и городовые были в формах. Хулиганы носили портрет государя, кричали „ура“ и „бить жидов“.

Скоро нас остановили городовые и хулиганы и просили перевязать одному пацану. Мы это исполнили. Во время перевязки они нас окружили и с восторгом, и с радостью хвастались, что они убили „много жидов“ и перережут „всех жидов“, а „наших“, — говорили они, — „ни одного“. В тот же день на углу Пушкинской и Успенской ул. один казак выстрелил в еврея и убил его наповал. Это было в 12 часов. Надзирателей, руководивших погромом, я, кажется, узнаю в лицо.

20 октября, в 12 час. мы, 4 сестры, я, Цизбель, Галачтер и Фурман, проезжая по Преображенской, уг. Полицейской, к нам подошел надзиратель с казаками, спрашивая зачем и куда мы едем и, когда получил ответ, что подбирать раненых, приказал завести нас в участок. Там над нами издевались, а надзиратель, направив на Фурман заряженный

¹⁾ Дело Общественного Комитета № 496.

²⁾ Ibidem, № 413.

³⁾ Ibidem, № 605.

револьвер, крикнул: „Молчи, жидовская сволочь, а то и тебя застрелю“. Когда Галантер сопротивлялась войти, то он ее толкал и втокнул в участок. Когда нас выпустили, он сорвал с нас больничные халаты и кресты, крикнул: „Презжайте в жидовскую больницу и скажите, чтоб более не спасали жидов, а то мы расстреляем всю больницу со всеми сестрами¹⁾. Бейзер.

Не менее интересен материал показаний студента христ. санит. Дмитриева:

Во время погрома являлись и добровольцы-хулиганы, местные обыватели, домовладельцы, которые, не имея никакого отношения к полиции, помогали погромщикам, либо активным содействием, как например, помещик Ковзро, либо подстрекательством, либо созданием паники, жуги среди населения. Так заявляют следователю Василий Феохари, Федор Щербан, и Экугович, что „Григорий Капишевский, проживающий на Песках у Жезаховой горы, позвал своего кучера и дал ему записку своему брату, что будто жида зарезали его семью с тем, чтобы он кричал по улице. Кучер с точностью исполнил его приказание, чем вызвал страшную панику и, конечно, подлив масла в огонь, усилил погром²⁾).

Можно привести еще много подобных примеров, если бы они не были так известны. Но, наряду с этим, можно указать на обратное явление, когда сознательные массы рабочих, интеллигенция скрывали евреев, спасали их, подвергая нередко жизнь свою опасности. Количество пострадавших христиан, явившихся на защиту населения, велико. Были организованы летучие санитарные отряды, куда входили, главным образом, христиане, которые спасли от смерти тысячи евреев, были отряды самообороны, исключительно из русских, например, железнодорожников и пр.

У полиции были даже намечены определенные лица, с которыми она хотела в первую очередь расправиться, что видно из ценного показания офицера Даманского относительно намерения одесской администрации „свести счеты“ с видным общественным деятелем, будущим членом Государственной Думы, присяжным поверенным Пергаментом. Документ мы приводим полностью:

Я, Николай Иванович Даманский, бригадный адъютант 52 артиллерийской бригады, потомственный дворянин, проживаю в доме № 4 по Гроидкой улице, 31 года, вероисповедания православного, под судом не был. 19 октября, я с утра находился в квартире присяжного поверенного С. Я. Пергамента, живущего в Одессе по Пушкинской улице № 72. Начиная с 5 ч. дня, все время по телефону передавали, что происходит избиение евреев то в одной части города, то в другой, и полиция не только не препятствует этому, но даже способствует. По Пушкинской улице, в районе между Новорыбной и Малой Арнаутской, было спокойно вплоть до 7 час. вечера, когда появилась первая толпа и остановилась у дома № 72. При чем, прежде, чем я успел выйти из дома на улицу, в некоторых окнах были выбиты стекла. Когда я вышел и спросил, кто разбил окна в моей квартире, то толпа, увидя офицера, сказала, что она не знала, что это моя квартира, и некоторые, подойдя ко мне, стали говорить, что они хотят идти по Пушкинской улице бить „жидов“, но что боятся идти дальше, так как на всех их им дали в участке только три револьвера и что все патроны они уже израсходовали. Постояв немного около дома, они пошли обратно по направлению к Новорыбной. Я вернулся обратно в дом, но через полчаса опять около дома раздался шум и крики. Я опять вышел на улицу и увидел толпу людей и среди них жандарма унтер-офицера с большой дубиной,

¹⁾ См. приложение № 2.

²⁾ Арх. Общественного Комитета, № 587.

одетого в серую тужурку и, видимо, предводительствовавшего толпой. Толпа остановилась около дома с намерением, видимо, бить окна, так как в то время опять раздался звон стекол, но я вышел на тротуар и позвал громко жандарма. Он подошел ко мне, взяв под козырек, и на вопрос мой: „что это за народ“, он ответил: „так собрался“, я велел ему сейчас же их увести отсюда. Он сказал: „слушаюсь“, и затем обратился: „братья, пойдем назад“, повел их к Новорыбной улице. После вторичного нападения на дом Пергамента, тесть присяжного поверенного С. Я. Пергамента, действительный статский советник Владимир Викторович Сокольский телефонировал командующему, где ему ответили, что нужно обратиться к начальнику обороны города, генералу Глаголеву, а генерал Глаголев ответил по телефону, что для охраны этой местности войска находятся в Александровском полицейском участке, под начальством полковника Воряпаева. Ввиду того, что полковник Воряпаев состоит клиентом присяжного поверенного Пергамента, то я телефонировал ему, прося дать его несколько солдат для охраны дома, но он в этом мне отказал и обещал только выслать патруль. Минут через 20, действительно, показался патруль, который, пройдя по Пушкинской, прогнал стоящую по Пушкинской улице еврейскую самооборону и вернулся обратно. Я вышел на улицу, когда проходил патруль, и увидел, что впереди идут войска и полиция, а сзади та же толпа, которая подходила раньше к дому и била стекла, при чем, во время прохода патруля, околочный надзиратель кричал: „Заходите в ворота“. Я зашел. Когда патруль возвращался обратно, а я стоял в подворотне, околочный надзиратель, обращаясь к толпе, сказал: „Расходитесь, будет на сегодня, мы утомились и нам надо отдохнуть, а завтра утром опять приходите“. Увидя затем, что кто-то стоит в подворотне, он подбежал и приставил револьвер к груди; я инстинктивно отшатнулся и крикнул: „Что вы не видите, офицер стоит“. Он тогда начал извиняться и ушел. После ухода всех их, я вошел в квартиру и стал настаивать, чтобы вся семья присяжного поверенного Пергамента уехала из дома куда-нибудь в гостиницу, так как увидел, что пребывание в доме является опасным, если не сейчас, то на следующий день, так как полиция и войска, как я увидел, не занимаются подавлением беспорядков, а прикрытием грабщей толпы. После долгих убеждений мне удалось склонить присяжного поверенного Пергамента переехать в гостиницу и по телефону тесть Пергамента, профессор Сокольский, просил в гостинице „Бристоль“ оставить 4 номера. Извозчиков не было, а содержатели экипажей, когда я по телефону просил их прислать экипажи, отказывались прислать, так как ни один кучер не соглашался ехать. Я обратился к своему знакомому инженеру Шполяному, и он согласился дать свой экипаж, если кучер согласится ехать. Кучер отказался ехать один, и я пешком часов в 10 веч. отправился по Пушкинской на уг. Троицкой, где жил г. Шполянский. Улица была совершенно пустынна и только на углу Большой Арнаутской и Пушкинской я увидел группу евреев, повидимому, изображавших самооборону. Я обратился к ним с просьбой дать мне кого-либо проводить до угла Троицкой, чтобы меня никто не мог остановить. Они охотно согласились, и со мной отправился какой-то молодой еврей, видимо, санитар, так как у него была белая повязка с красным крестом. Он не только проводил меня до дома Шполянского, но и согласился сидеть со мной на козлах кареты, дабы дать возможность мне перевезти семью Пергамента совершенно безопасно.

В два приема я перевез семью Пергамента в „Бристоль“, и когда во второй раз приехал с Пергаментом, где решил остаться вместе с его семьей, то по приезде нашем неизвестный человек подошел к телефону и, вызвав по телефону управление полицеймейстера, сообщил, что в гостиницу переехал присяжный поверенный Пергамент и как с ним поступить. Я после этого поднялся наверх в номер и поселился в одном номере с Пергаментом. В течение ночи нас никто не беспокоил. На следующий день, 20-го, когда я вместе с семьей Пергамента уселись в кабинете завтракать, вошел в кабинет швейцар и просил Пергамента выйти на минуту. Я вышел вместе с Пергаментом, и здесь швейцар сказал, что сейчас по телефону спрашивал его помощник полицеймейстера фон-Гесберг здесь ли Пергамент, и он, не зная, что ответить — ответил, что сейчас он здесь завтракает, а живет ли он здесь, он этого не знает еще и сейчас узнает, и он спрашивает, что ему ответить: „Живете ли вы здесь, или нет“. На это Пергамент ответил, что

скрывать нечего, отвечайте, что живу, и мы возвратились завтракать. Номера, в которых поселилась семья Пергамента и мой были расположены в первом этаже, при чем два номера выходили на Полидейскую улицу, против гостиницы „Биржа“. Часто наблюдая из окон, что происходит на улице, а также выходя на улицу, я заметил, что утром в течение дня, некоторые из толпы грабителей отделяются и, подходя к подъезду гостиницы „Биржа“, вступают в переговоры с двумя лицами, бывшими — один в форме почтово-телеграфной а другой — в форме тюремного ведомства и, получив от них, повидимому, какие-то разъяснения, вновь отходили к толпе. При дальнейшем наблюдении и ближайшей поверке мне удалось выяснить, что во дворе гостиницы „Биржа“ при трактире „Юбилей“ находится склад разгромленных вещей, которые ввозились туда телегами и забрасывались проходившими мимо грабителями во двор, где они и подбирались каким-то приземистым господином. Там же находилось и центральное управление по разграблению ближайших кварталов, к каковому управлению принадлежали и указанные выше два лица, дававшие, как я сам слышал, приказ и указания, где и как грабить. Лица эти оказались: почтово-телеграфный чиновник Маврик и, кажется, бывший смотритель Сахалинской тюрьмы Патрин. 21 числа я вышел к толпе, разграбившей мастерскую военного портного Глузмана рядом с гостиницей „Бристоль“, и стал убеждать ее прекратить грабежи, на что они ответили, что теперь только третий день, а грабить разрешено полных три дня. При этом, когда толпа начала громить магазин штемпелей Левенсона тут же на углу Полицейской и Пушкинской, то достаточно было слова убеждения моего, чтобы заставить толпу прекратить грабежи. Таким образом, мне удалось отстоять находившиеся тут же пекарню и молочную. Считая неудобным дальнейшее пребывание в толпе, которое имело бы характер предводительства ею, я возвратился в гостиницу. В этот же день встретившийся мне фельдфебель морской роты с двумя солдатами на углу Полицейской и Пушкинской говорил мне, что на Полицейской улице в них стреляли из стрелющегося здания ломбарда. Через полчаса после этого в гостиницу „Бристоль“ прибежал подполковник генерального штаба Дворжицкий и, вероятно крича, что он вызовет пулемет и расстреляет всю гостиницу, стал обвинять гостинино-содержателя, что выстрелы раздаются из 4 этажа гостиницы „Бристоль“. Никакие уверения разубедить его не могли, хотя спутник его, какой-то адъютант, чина коего не знаю, ибо он был в николаевской шинели, и допускал возможность ошибки. В результате, вечером, по распоряжению градоначальника, несмотря на просьбы гостинино-содержателя, весь 4 этаж был закрыт и жившие там лица выселены, за исключением товарища прокурора М. М. Клеменса, категорически отказавшегося подчиниться распоряжению. Дальнейшее пребывание в гостинице прошло, сравнительно, спокойно и непосредственных наблюдений мне больше делать не приходилось. Адъютант 52 артиллерийской бригады, прапорщик Николай Иванович Даманский ¹⁾.

Негодование, страх за человеческую душу, стыд, позор за все происшедшее нашли свое отражение в целом ряде писем, заявлений и дневниках лиц различных слоев общества.

Вот перед нами в синей обложке ученическая тетрадь, безграмотно исписанная неровным косым почерком — исповедь городского. Усматривая в этом показании некоторый бытовой интерес, мы считаем необходимым при сохранении стиля и орфографии привести его целиком:

Показание городского Павла Климовича Якименко № 806 и удостоверяю Вас в том что я здесь напишу будит истинная правда. что Помощник Портового Полицейского участка Иванов собрал Толпу возле Потового участка и взял царский Патрет. Три раза пропели боже царя храни причем полурота стояла и сзади в 10сяти шагах и держали ружия накраул 2 девушки молодых держали Патрет Государя. Помощник Иванов был переодет увольную одежду. Петнацать Городовых в полицейской одежи стояли впереди толпы, когда пропели Боже царя, то городовые некоторые остались по приказанию

¹⁾ Дело Общественного Комитета, № 216.

начальства А несколько направились Постаропортофрантовской улице досиной площади Движение их было такое несколько или в пиред и несколько сзади Городовых и начали грабить на синой Площади и разбивать и убивать Евреев Городовые которые ходили из манифестантами их фамилий только знаю 1-й Паламарчук, 2-й Нестеренко Бывший жандарм, 3-й Фадеев, 4-й Чикрыгин, 5-й Васин и еще Пять позабыл как их фамилии А номеров они не хотят носить хотя начальство приказует. Старший говорил с утра что нужно Приставу доложить что люди вольные хотят подсобить городовые шли подсобили им идите Если только начальство позволит и людям подсоблять вам. Городовые были согласны старшого мнение Я уговаривал некоторых городовых Я три дня был болен и увольной одежи ходил смотреть когда мне говорили что я ни одиваюсь то я отвечал им что я болен Городовой № 806 по Приморской улицы шол. Патрюл состоящий из 20цати городовых Портового участка идя домой Сослужбы заметили 2 санитара перевязанные руки крестами Остановили и отобрали у них 2 револьвера и перевязочного материала который я сам видел у казарме показывали и говорили что они убили студента и студентку застрелили одного били не сами а только отобрали от них и ударили Они виноваты что убили этих двух людей хотя они сами и не в били то все равно они задержали Мужик и солдаты убили сразрешением Городовых особенно виноват этим двум мертвым городской Куликов и еще один не могу упомянуть 1 Куликов, 2 Казак только этот смирял, 3 Кондратинко тоже человек добрый Это слышно мне было Товарищи сказывали 1905 г. Октября 27-го числа Городовой Павел Якименко № 806 ¹⁾.

Вот другое письмо двух интеллигентных женщин, рискнувших написать его и направить одесскому городскому голове ²⁾:

Милостивый государь!

Нам случайно пришлось быть свидетелями сцены с балкона нашей квартиры (Дегтярная, д. № 16, кв. 3), которую мы попытаемся с фотографической точностью передать вам. В 8 часов утра, 20 октября, мимо нашей квартиры по направлению к Гулевой улице прошла партия городовых около 15 человек с револьверами в правой руке. Один из городовых угрожающе помахивал револьвером в приподнятой руке. Движение на улице было слабое. Шли в 20 сзади городовых, шла группа хулиганов около 20 человек, которая на наших глазах набросилась на шедшего по тротуару старого еврея и вытащила все содержимое его карманов. После опустошения карманов, один из хулиганов нанес своей жертве удар железным ломом по спине. Ограбленный еврей молчал, но на улице поднялся крик, который не заставил, однако, повернуться ни одного из городовых. Дойдя до угла Дегтярной и Гулевой улиц, городовые дали залп и хулиганы, задержанные ограблением еврея, бегом направились догонять городовых. Этот небольшой эпизод, тонуший в море насилия и крови, которые заливают в последние дни улицы Одессы, но он характерен, как устанавливающий с несомненностью факт тесной связи полиции с хулиганскими движениями, почему мы и считаем себя обязанными довести его до вашего сведения.

Жена капитана Юлия Виридарская. Жена председателя Славяносербской земской управы Екатеринославской губ. Елена Радакова.

Федор Корчинский, рабочий, считает, что „каждый честный человек должен все рассказать, что только известно о подвигах этих зверей в образе, как будто людей городовых и прочих хулиганов, действовавших заодно“.

К вечеру 22 октября погром был прекращен, но не везде. На окраинах он еще продолжался в течение последующих 2—3 дней, правда, уже не в таких размерах, все же Красный Крест работал, подбывая раненых и убитых.

¹⁾ Дело Общественного Комитета.

²⁾ Ibidem, № 583.

Установить точную цифру убитых и раненых до настоящего времени не удалось. Официальные цифры бледнеют перед настоящими. На второй день погрома полковник жанд. упр. доносит министру, что точное количество пострадавших он затрудняется указать. Данные — у него это 905 чел. раненых и убитых приблизительно 300 чел, „Раненые и убитые имеются в частных лечебницах и по домам, но сколько их там — неизвестно...“¹⁾.

Известно, что 25 октября было погребено в одних лишь братских могилах — 400 трупов, в том числе 227 опознанных жертв. Братские могилы были вырыты рядом и каждая рассчитана на 35 трупов. В тот же день Центральным Еврейским Комитетом была начата выдача продовольствия на 20.000 чел. После погрома одесской администрации надлежало дать „ответ“. Чтобы скрыть следы своего чудовищного, не имеющего равного в истории преступления и чтобы официально оправдаться, она потребовала совершенно секретно у надломленных и запуганных людей указать, что в целом, в организации погрома, полиция не виновата.

Так, Брин П. в своем показании утверждает, что „раввин Крепс зашел в еврейскую больницу, подошел к раненым Рабинович Х. и Ф. и просил их подписать, что полиция в погроме не виновата. У Хаймовича он взял подписку и также старший фельдшер и доктор тоже дали подписи, испугавшись слов Крепса, что их будут резать...“²⁾.

Но это были лишь отдельные случаи; в массе, как бы она ни была запугана, таких подписок полиция не могла получить и поэтому, оставив такой способ защиты, она стала упрекать чуть ли не в организации погрома — самих же евреев, обвиняя, обычно, их в том, что своим „революционным поведением“ они вызвали у мирно настроенных граждан и городских злобу и ненависть, переходившую иногда в эксцессы. Пристав Бульварного участка сообщает: „Вооруженное нападение евреев на христиан и вызвало, таким образом, месть, выразившуюся погромом“³⁾. Тот же тупой, озверелый дикарь-пристав сообщает градоначальнику нелепую вещь: „... в 12 час. дня к зданию вверенного мне участка подошла толпа евреев-студентов, учеников и т. д., человек до 300, которые, разделившись на две колонны, пустились в атаку на участок, как со стороны Еврейской, так и Троицкой улиц, начав свсю атаку революверными выстрелами. 30 городовыми нападение было отбито. Со стороны нападавших убито двое, а из городсвых же незначительные поранения получил один“. И это накануне погрома, вызванного, мол, самими евреями.

„... Все вместе, — продолжает он, — с произведенной евреями революционной демонстрацией, вызвало у русских, преданных царю людей негодование, в силу чего начались отдельные нападения на типичных евреев-революционеров-студентов, которые встретили русских вооруженным огнестрельным оружием“⁴⁾.

¹⁾ Дело жанд. упр. № 15, т. 2, 1905 г.

²⁾ Дело Общественного Комитета, № 71.

³⁾ Дело охранного отд., № 207 1905 г.

⁴⁾ Ibidem, № 145 сл.

В тот день, когда по улицам города шел погром, когда насчитывались сотни раненых и убитых евреев, начальник охранного отделения полковник Бобров телеграфирует срочно заведывающему политической частью департамента полиции:

„Сегодня с утра в университете студентам и евреям раздавалось оружие и бомбы. Оружие выдавалось также евреям из некоторых магазинов. С утра происходят угрожающие беспорядки. Евреи и студенты нападают на манифестантов, которых защищают войска. В русских войска бросают бомбы в разных местах. Положение крайне угрожающее“¹⁾.

20 октября тот же Бобров телеграфирует, что „евреи все вооружены, на перекрестках улиц останавливают русских, обыскивают, бьют, пытаются, стреляют по всему городу из ворот, окон, балконов, пытаются нападать на участки. Войска патрулируют, отвечают залпами, город занимается артиллерией. Нормальная жизнь прекратилась, в припасах начался недостаток. Сношения с агентурой приостановилась, филеры не наблюдают...“

Между прочим, следует отметить полную растерянность и переполох в охранном и жандармском отделениях, в связи с погромом, когда чины побросали занятия, приняв участие в грабежах. Полковник Бобров спешно сообщает в Петербург: „Принимаю все зависящие меры к восстановлению деятельности отделения“²⁾.

22 октября была получена шифрованная телеграмма на имя начальника жандармского отделения от заведывающего политической частью департамента полиции Рачковского: „На депешу 19 октября товарищу министру заведывающий полицией предлагает вам и отделению, работать не покладая рук“³⁾.

Насколько лживы и преступны были сообщения властей, можно судить, например, по рапорту пристава Погребного, Михайловского участка начальника охранного отделения в день погрома. Он доносит, что „толпа евреев на Большой Арнаутской напала на проезжавшего надзирателя Полянчикова⁴⁾, сбросила его с дрожек, стала наносить ему побои и забрала его к себе в толпу“... Далее он сообщает, что, выехав немедленно с полусотней казаков на Прохоровскую улицу, где „евреи стреляли и избивали русских“, он вскоре забывает о нападавших и убийцах евреев и заканчивает, что убитыми и ранеными оказались одни евреи. Была брошена бомба, „которая не разорвалась и никакого вреда не причинила“, но рота Ставучанского полка по „стрелявшим произвела несколько залпов“... Чтобы прекратить погром, он вместе с казаками начал принимать меры“... Меры его известны, следствием их явились десятки и сотни убитых и раненых. Пристав Погребной стал известен, как один из жестоких хулиганов-погромщиков.

¹⁾ Дело охранного отд.

²⁾ Ibidem, № 207 — 1905 г.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Известного погромщика, убийцы многих евреев.

Подполковник Бобров, телеграфируя 20 в Петербург, обвинял уже еврейскую самооборону, что она, собственно, и вызвала погром, забыв, что самооборона может явиться лишь следствием нападения. „Еврейская самооборона нападала на Бульварный, Дальницкий и Михайловский участки и целый день стреляла по войскам и русским с крыш и окон домов“ ¹⁾.

Непосредственный вдохновитель и организатор погромов, градоначальник Нейдгардт, сообщает прокурору одесского окружного суда, что еврейский погром был вызван самими евреями, они его создали и организовали: „Имея основание утверждать, что еврейский погром явился лишь роковым следствием предшествовавших событий, которые носят в себе все признаки подготовленного вооруженного мятежа, организованного, между прочим, в университете, я считаю своим долгом об этом заявить вам“ ²⁾.

Начальник жандармского управления полковник Кузубов сообщает в Петербург: „Насколько беспорядки были во власти евреев, можно до некоторой степени судить по следующим фактам. Огромный дом Баржанской, на углу Ришельевской и Полицейской, где помещается вверенное мне управление, и дом, где я живу, на Полицейской 22, через дом от управления, я взял лично под свою охрану. В еврейские квартиры этих домов переезжали родственники квартирантов. 22-го числа, утром, ко мне явился управляющий домом Баржанской, благодарить меня от имени жильцов за избавление их от погрома; то же самое сделали и жильцы дома, где я живу“ ³⁾. Совершенно правильно, не пожелай Кузубов погромов, их нигде не было бы, не только в доме Баржанской, спасенном им.

Такая же наглая, провокационная телеграмма Кузубова последовала вслед за вышеупомянутой в Петербург. „Начавшиеся антиеврейские беспорядки по деревням Одесского уезда охватывают почти весь уезд, где есть евреи, при чем, после избиения евреев, беспорядки прекращаются“. „Вообще, — заключает „умный“ полковник, — можно придти к заключению, что все происшедшее явилось последствием еврейской организации, готовившей, совместно с русскими фабричными рабочими, сделать громадную демонстрацию с захватом власти в свои руки, но объявление высочайшего манифеста и несоответственное принятие его настроенной на достижение проявления Одессой факта революции — сбило русских рабочих, которые сочли оскорбленным свое патриотическое чувство и проявили свое национальное чувство вражды к еврейскому, чувство более сильное, чем навеянное им евреями революционное настроение“ ⁴⁾.

Так одесская администрация пыталась реабилитировать себя, обвиняя всецело, конечно, в причинах погрома самих евреев.

¹⁾ Дело охранного отд. № 207 — 1905 г.

²⁾ Ibidem № 207 — 1905 г.

³⁾ Дело жанд. упр. № 15, т. 2.

⁴⁾ Ibidem № 15, т. 2.

Донесения из сел унтер-офицеров о погромах и причинах их несколько не отличаются от донесений их начальников и также трафаретны, тупы и нелепо-бессмысленны в своих выводах.

Характерно, что погромы произошли только в тех местах, где находились случайно войска, жандармские пункты или пристава со стражниками и урядники. Наиболее сильные по жестокости своей погромы отмечены в Овидиополе, где было убито несколько десятков человек-евреев и ранено 50⁰/₀ всего еврейского населения, в Маяках — убито свыше 10 человек, в Анчикраке все евреи ограблены и избиты, в м. Фестерово только несколько семейств евреев, и те все пострадали, в Сычевке, в Варваровке убито несколько человек, оставшиеся ранены, остальные бежали.

Унтер-офицер дополнит штата жандармского управления г. Одессы в Одесском у., на пункте в м. Фестерово, от 27 октября доносит начальнику жандармского управления, что ¹⁾:

25 окт. после погрома в 3 часа дня на звоны колоколов народ собрался в церковь, в это время пришел капитан Ушаков 69-й дивизии, 273 пехотного Дунайского полка, прибывший в м. Фестерово с 50 солдатами для умирения, по окончании служения, народ начал выходить из церкви и останавливаться; вскорости вышел капитан Ушаков и обратился к народу и сказал, что вы разбили евреев, то это ничего, но не следовало грабить ихнее имущество в это время подошли из толпы к капитану Ушакову сиделец м. Фестерово Степан Визир и того же местечка почто-содержатель Л. Тихон и начали кричать, что еврейский погром произошел от подстрекательства жандармов, а толпа крестьян с своей стороны кричали, что неправда, тогда офицер с своей стороны сказал Визирю и Тихонову, что это быть не может. И мне не верится, что могли сказать это жандармы, капитан Ушаков начал продолжать свою речь дальше, что творится в Одессе, что евреи сорвали портрет Государя Императора, выкололи ему глаза, воткнули в рот бутылку, и дохлую собаку за хвост поднимали вверх и кричали: вот ваш Царь, до выхода капитана Ушакова из церкви, Визир и Тихонов, начали подстрекать крестьян, чтобы они говорили офицеру, что еврейский погром произошел от подстрекательства жандармов; если вы этого не скажете, то жестоко будете отвечать, а если скажете, то вся вина падет на жандармов, а относительно Тихонова, как известно Вашему Высокоблагородию, что он имеет к нам негодование в бедаче подвод, а потому на каждом шагу старается нам мстить...

(Унтер Офицер Шпера ²⁾).

Унтер-офицер Павлюк в рапорте жандармскому управлению от 29 октября доносит, что в с. Сычавка 22 сего октября все евреи „разбиты и разграблены“.

В 11 часов ночи была наведена паника от с. местечка Буялыка до с. Тузлова передавались пакеты из села в село нарочными верховыми, что идут евреи и режут всех русских, жители били в колокол тревогу и будили сосед соседа и кричали скорей спасайся жида режут жители бросали свои жилища на произвол судьбы, а сами кто куда попало бежали, кто забирал семью и садился на шаланду и пускался в открытое море кто забирал навоз и ехал куда глаза глядят которые на кордоны бежали и только успокоились 26-го. Пострадавших из русских, — заканчивает унтер-офицер, — не было, ограблены же все евреи и убито несколько человек. Так что в селе ни одного человека из евреев не осталось³⁾

¹⁾ Сохраняем точность и стиль письма.

²⁾ Дело жанд. упр. № 15 т. II. 1905 г.,

³⁾ Ibidem.

Такое же донесение представляет унтер-офицер Калабуков из местечка Варваровки, где были убиты и ранены почти все евреи. Ужасный погром произошел в с. Беляевке: из 20 человек евреев — 12 убито остальные ранены.

Жандармский ун.-офицер Шпера подробно рассказывает, согласно форме и стилю предыдущего, о еврейских погромах в селах его округа, при чем сообщает, что, как слышал, в Одессе „русских режут и стреляют наповал... крестьяне, узнав об этом, приняли так к сердцу, что начали собираться... а евреи сразу догадались и к вечеру ни одного не осталось в его селе...“ Далее он пишет: „Начальник станции Еремеевка Попандопуло сообщает, что из Одессы выступила партия вооруженных евреев и направляется на село Гниляково разбить всех крестьян, а оттуда толпа направится на уезд или на ст. Раздельная, в которой Попандопуло предупреждает быть на всякий случай готовыми к встрече толпы...“ Состоялось совещание у него со старшиной селения Куртово, стражником Рашковичем, „что нам сделать и какие меры принять против этого, если на самом деле такая толпа нахлынет на такое ничтожное местечко, как Фестерово, и другие еще меньшие...“ решили: „на случай появления толпы бить в колокол и чтобы все собрались к церкви и к казенной лавке. Ескоре прибежал сотский верховой из дер. Достаново, сказал, что толпа евреев приближается к с. Гниляково, будьте готовы, и сам уехал; в это время женщины и дети начали кричать, крестьяне забрали свои семейства на повозки и повывозили в степь, а сами стали возвращаться в м. Фестерово собираться в церкви и к казенной лавке, кто с чем попало в руках“.

Начался погром, сообщает он:

К утру все лавки были разгромлены и все на повозках увезли в окрестность тогда мы начали карулить казенные учреждения, до утра стража, что была назначена к почте казенной лавке, церкви и больнице, все бросили и пошли разбивать лавки и квартиры... Мы начали просить не разрушать казенные учреждения, почтовое отделение, казенную винную лавку все сказали, что мы этого не тронем...

22-го числа около 4-х часов начали разбивать еврейские квартиры и все имущество забирать, т. е. разграблять евреев в то время уже не было в м. Фестерово только осталось три старых еврея и одна еврейка, из коих один еврей убитый остальные ранены и лежат в больнице. Все лавки и квартиры совершенно разбиты и все забрано. 23 октября в 7 час. вечера женщины дер. Михайловки заметили что из сада имени генерала Данильчика показалась толпа евреев и обратно скрылась, подняли страшный шум, крик, что идут евреи и сейчас же начали бить в колокол... На звон прибежал корнет Данильчук и сказал толпе, что в моем саду ничего подобного нет. Еврей убитый до сих пор не погребен, а урядник Бобело, как видно, что знал, что будут разбивать евреев потому что пьянств вал из евреями и монополизм Визиров устраивали манифестацию по поводу манифеста...

Целый ряд аналогичных донесений получен охранным отделением и жандармским управлением от своих агентов о погромах в селах и местечках Одесщины. Количество жертв велико. По официальным данным, убито свыше 215 человек, количество же раненых установить не удалось. Разгрому же подверглись все еврейские квартиры.

Заканчивая очерк еврейских погромов в Одессине, мы приводим впервые список активнейших громил, при чем должны указать, что список этот далеко не полный, ибо он составлен исключительно на основании показаний пострадавших, представивших анкеты „Общественному Комитету помощи пострадавшим евреям от погрома“.

Таким образом, прилагаемые материалы и документы, оставшиеся почему-то нетронутыми сенатором Кузминским и ныне впервые публикуемые, полнее представят картину чудовищного разгула диких страстей одесских чинов полиции и выявят истинных виновников жестоких преступлений со всей системой темной памяти тупого царского самодержавно-бюрократического управления.

С. Семенов.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

СПИСОК АКТИВНЕЙШИХ УЧАСТНИКОВ ЕВРЕЙСКОГО ПОГРОМА В ОДЕССЕ В 1905 г.

1) Нейдгардт (градоначальник), 2) Каульбарс (комвойсками). 3) Головин (полицей-мейстер), 4) Ф. Геберг (помполицеймейстер), 5) Родишевский (тоже).

Полицейские приставы:

6) Шишкин, 6-а) Карпицкий. 7) Панзиск, 8) Яшчиченко, 9) Калолий, 10) Соколов, 11) Погребной, 12) Тюрин, 13) Чернявский, 13) Парщенко, 13-а) Полищук, 14) Азарьев, 14-а) Пузанов, 15) Гозалабов, 15-а) Воронин, 16) Павленко, 16-а) Ольшевский.

Окологородные надзиратели:

17) Щербаков, 18) Гиджев-Бельчик, 19) Закладной. 20) А. Иванов, 21) М Полтавченко, 22) В. Дылевский, 23) Рыбчинский, 23-а) Глубокий, 24) Полатовский, 25) Винцовский, 26) И. Иванов, 27) Жабоедов, 28) Дубченко, 29) Дорошенко, 3) Тимчаковский 31) Сосновский, 32) Чепуран, 33) Андреев, 34) Андель, 35) Воронин, 36) Ященко, 37) Тихомиров, 38) Бузанов, 39) Павленко, 40) Хилевич, 41) Пилипчук, 42) Ключев, 43) Щербаков.

Городовые:

44) Лавренюк, 45) Закревский. 46) Волков, 47) Сгоног, 48) Яршченко, 49) Гадун, 50) Яковенко, 51) Закладной, 52) Тимченко, 53) Чиркевич, 54) Д. Иванов, 55) Дергач, 56) Назаренко, 57) Луврешук, 58) Деган, 59) Рыпяха, 60) Редкин, 61) Жилинский, 62) Ревенко, 63) Ткач, 64) Шгельмах, 65) Гноминский, 66) Такзей 67) Слесарев, 68) Селянов, 69) Литвицкий, 70) Книжников, 71) Жарницкий, 72) Богданов, 73) Голованюк, 74) Волянский, 75) Водянов, 76) Войнацкий, 77) Громаренко, 78) Анищенко, 79) Ашовский, 80) Деркач, 81) Назарченко, 82) Бондарев. 83) Рей. 84) Чумаков, 85) Ломашев, 86) Молодит, 87) Гойнацкий, 83) Громаренко. 89) Чумаков, 90) Антонов, 91) Бадьянов, 91) Такзей, 93) Михаленко, 94) Белоусов, 95) Михайловский, 96) Паламарчук, 97) Васин, 98) Фадеев, 99) Чакрыгин, 100) Иванов, 101) Левченко, 101-а) Крицько.

Прочие громилы:

102) Карпенко, 103) К. Дорошенко, 104) Михова, 105) А. Крыжановский, 106) Аким Крыжановский, 107) Саша Воловодова, 108) Непомнящий (домовлад., Манежная, 111) 109) Малахов, 110) Граберчук, 111) Якубовский, 112) Топольницкий, 113) Михеев, 114) Дидеску, 115) Петрофиев, 116) Алексеева, 117) Паранчик, 118) Волоховитюков,

1119) П. Румянцева, 120) Максимова, 121) Степка (кузнец, Леваш. сп. 14), 122) Пилипенко 123) Затворницкий, 124) Красовский, 125) Савченко, 126) Мокроусов, 127) Лазарев, 128) Васька Серко, 129) Каемзда, 130) Крейц, 131) Нитович, 132) И. Зеленый, 133) Н Зеленый, 134) Ф. Болгарин, 135) Криваши (вся семья), 136) Ветков, 137) Левченко (почтальон), 138) Ф. Зюзюля, 139) Лукомилон, 140) Лысой, 141) Васька Шендро, 142) Борисенко, 143) Красильникова В., 144) Красильников К., 145) Франкевич соб. дома по Бугаевск. ул., 146) Лиса Петька, 147) Храмовой, 148) Ф. Старица, 149) Похилов, 150) Бондаренко, 151) А. Вербицкий, 152) Козел, 153) Ильянов, 154) Св. Покр. церкви, 155) Чакмаков, 156) Скляр, 157) Витик, 158) Кацура Г., 159) Кацура С., 160) Кузнецов, 161) Кузнецов В., 162) Лазарев, 163) Савельева, 164) Станский, 165) Михайлов, 166) Дхневич, 167) Захарко, 168) Баран, 169) Курица А., 170) Цыган Л, 171) Беляева, 172) Тополицкий, 173) Кохановский, 174) Мраморщик, 175) Скокох Меланья, 176) Лазарев, 177) Вареников трактирщик, 178) Завученко, 179) Забалотник, 180) Твердохлебов, 181) Травин, (парикмахер), 182) Заболотный, 183) Корецкой, 184) Гуц, 185) Ивченко, 186) Посаченко, 187) Бабиченко, 188) Гробаренко, 189) Погрелов, 190) Басов И. А., 191) Кардашев С. 192) Куденко (курьер суда), 193) Цветковский, 194) Долгополова, 195) Синявский, 196) Блинкий 197) Бутылкин, 198) Горенко, 199) П. Максимович (со своими сыновьями), 200) Ванковский, 201) Шишко, 202) Шинкарев, 203) Скурченко (два брата), 204) Жук, 205) Иванченко Алекс., 206) Иванченко Матвей, 207) Зиневич (офицер), 208) Катышевский, 209) Гергиев, 210) Гореха, 211) Николенко Д., 212) Николаенко Паша, 213) Иванов Д., 214) Крипак Д., 215) Андрей Тимошин, 216) Димитриев И., 217) Гергиев С., 218) Тодоров М., 219) Лопатин (помещик), 220) Бурдейных, 221) Гуркин (почт. тел. чин.), 222) Антонов (казац. офицер), 223) Молодита, 224) Миндлин — провокатор, 225) Кузнец Иван (по Прохоровск. ул.), 226) Валер, 227) Ветков, 228) Карапетнич, 229) Кавара (домовладелец), 230) М. Кадюк, 231) В. Кадюк, 232) Лозовский Д., 233) Лозовский К., 234) Дмитренко, 235) Козловский, 236) Точенко, 237) Лукьяненко, 238) Колисненченко, 239) Скляр И., 240) Скляр Т. 241) Тарасюк, 242) Васютинский В. (сын священ), 243) Николаенко, 244) Румянцева П., 245) Волохотюков Я., 246) Колисненченко, 247) Карпо Федюшин, 248) Яблонская, 249) Куликовская, (и ее дочь), 250) Литвины (семья), 251) Янко Авитер (Август) и трое его сыновей, 252) Агашкова, 253) Полыг И., 254) Постенский И., 255) Поляк, А., 256) Швец Ан., 257) Швец Гриш., 258) Ветров С., 259) Крылов С., 260) Дорошенко А., 261) Семенишки И., 262) Баранская У., 263) Пинсковская У., 264) Григорий Каташенко, 265) Котошенко Гавр., 266) Котошенко Вас., 267) Калашниченко Еф., 268) Калашниченко Петр, 269) Солоненко Федор, 270) Солоненко Тим., 271) Солоненко Ив., 272) Колисненченко Петр, 273) Швец Софья, 274) Швец Андрей (сын ее), 275) Швец (все дочери ее) 276) Лимонов, 277) Филипенко, 278) Шавский — домонад., 279) Псол М., 280) Буканик — домовл., 281) Довий Николай, 282) Вареник И., 283) Маков, 284) Буканиха, 285) Довгий Н., 286) Шнур, 287) Цикам А., 288) Чеботарев, 289) Станков, 290) Горбачев К., 291) Гинка Г., 292) Карпов Н. — резник, 293) Коханенко Т., 294) Голубь Н., 295) Патрин (см. тюрьмы), 296) Шкурченко Антон, 297) Шкурченко Андр., 298) Шкурченко Сергей, 299) Солянов — городской, 300) Павличенко (надзир.), 301) Мужиченко (городовой), 302) Красильниковы, 303) Ломанцев, 304) Ламентух, 305) Конрашев А., 306) Дмитренко Мария, 307) Копыл И., 308) Швец И. 309) Лука Э., 310) Цибульский Г., 311) Куш Павло, 312) Поплавский А., 313) Кривенко В., 314) Орешник М., 315) Гук М., 316) Берг К., 317) Егоровский Г., 318) Рябчинский — надзиратель, 319) Постынский И., 320) Постынский (брат), 321) Малый, 322) Мацевич, 323) Полтинов Е., 324) Романенко, 325) Личман, 326) Корейца, 327) Орлов, 328) Демиденко, 329) Ломашев А., 330) Лысый В., 331) Баранский В., 332) Мудрицкий М., 333) Чербак Н., 334) Великая И., 335) Воробьев И., 336) Клименко К., 337) Добровольский А., 338) Зозуля Ф., 339) Зозуля Д., 340) Зозуля И., 341) Хмельник Д., 342) Заяц И., 343) Школенко Я., 344) Ковтуненко Н., 345) Кофтуенко Илья, 346) Белявский Н., 347) Белявский Гр. 348) Кравченко Д., 349) Шпак А., 350) Лященко И., 351) Волохов Гр., 352) Волохов П., 353) Волохов Л., 354) Татьяна Волохова, 355) Барабанов, 356) Кохановский Ив. — мраморщик и его дети, 357) Задорожный Сав., 358) Христенко М., 359) Шавевский — почтово-тел. чин., 360) Маврик, 361) Капинос М., (мылов. завод).

Погромщики с. Амчокрак:

362) Бутов Иван, 363) Павленко П., 364) Мацокин И., 365) Гребнев З., 366) Муран И., 367) Бардин Ф., 368) Муран П., 369) Мориквас А., 370, Друзяк Ион.

М. Фестерово:

371) Евахненко, 372) Полиенко И., 373) Бабелло, 374) Яковенко (унт. офицер), 375) Попандопуло нач. ст. Еремеевка, 376) Палинко (сотский), 377) Ромкович (стражник).

М. Ново-Ивановка:

378) Скопенко Моисей, 379) Гапчук Антон, 380) Черный Иван, 381) Мансенюк Трофим с сыном, 382) Краснянский Нестор с сыном, 383) Лавренко Антимон, 384) Браулавский Никита, 385) Твердохлеб Ф. (десятский), 386) Черный Тимофей, 387) Шевченко Иларион, 388) Шевченко Степан, 389) Шевченко Василий, 390) Черный Яков, 391) Черный Семен, 392) Луценко Иван, 393) Пустомельник Митрофан, 394) Дельянов Семен, 395) Гапчук Ф., 396) Долженко Ив., 397) Долженко Мих., 398) Лысой Петька, 399) Франкевич, 400) Змыслов.

СОДЕРЖАНИЕ ИЗДАНЫХ №№ ЖУРНАЛА „ПУТИ РЕВОЛЮЦИИ“.

№ 1. Август 1925 г. 1. *Старцев-Шишкарев*. Восстание на броненосце „Потемкин“. 2. *И. Ткачуков*. 1905 г. в Харькове. 3. *В. Галкин*. Харьковский революционный Красный Крест. 4. *Е. Рискинд*. Из подпольной работы в Одессе (1902 — 1903 г. г.). 5. *К. Галкин*. Анархистские и террористические группы в Харькове. 6. *П. Тарасов*. В подполье. 7. *И. Ткачуков*. Из недр охранки. Переписка об Артеме. Политическая шутка рабочих. Донесение шпика. 8. *В. Наседкин*. Воспоминания о тов. Артеме. 9. *В. Окольский*. Побег Стеклова. 10. *К. Галкин*. Царские застенки. Николаевская временно-каторжная тюрьма. 11. *И. Степанченко*. Из воспоминаний о Екатеринославской каторге. 12. *С. Сибиряков*. Убийство провокатора Гофмана. 13. *М. Постоловская*. Побег А. Кокотановой. 14. *М. Гельруд*. В дороге (с предисловием А. Н. Макаревского). 15. *А. Н. Макаревский*. А. Ф. Кондратенко. 16. *И. Ткачуков*. Б. М. Плесский. 17. *К. Галкин*. Памяти т. Василия Джикия. 18. М. Патлажан. 19. *К. Галкин*. В Харьковском отделении Общества политкаторжан. 20. Библиография.

№ 2. Октябрь 1925 г. 1. К участникам революции 1905 года. 2. Ко всем членам нашего общества. 3. Памяти Фрунае. 4. Памяти Новорусского. 5. *Бычков А. И.* Автобиография. 6. *Этнерович Г. Е.* 7. *Мазуренко В.* проф. Наше село в 1905 г. 8. *Ткачуков И.* 1905 г. в Харькове. 9. *Галкин К.* Анархистские и террористические группы в Харькове. 10. *Галкин В.* Харьковский революц. Красный Крест. 11. *Окольский В.* Из эпохи „могильной тишины“. 12. *Сибиряков С.* Взрыв на Свечной. 13. *Денисенко В.* Из жизни политкаторжан на Сахалине. 14. *Воронин Е.* Из воспоминаний рядового народовольца. 15. *Галкин К.* Царские застенки. 16. *Тарасов П.* В Сибирь на поселение. 17. *Изотенко Г.* По пути в Березов. 18. *Лебеденко А.* Неудачный побег из Кременчугской тюрьмы. 19. *Сибиряков (Броверман)*. Столкновение с Лежневым. 20. Памяти павших (Лев Ясевич, Б. П. Кларк, Н. В. Коршун, Б. Веселовский, П. В. Лебедев). 21. Из архива и жизни: Письмо Ф. Кона; Несколько слов о Бейдемани; Провокатор Медведев. 22. Из жизни О-ва политкаторжан. 23. Библиография.

№ 3. Декабрь 1925 г. 1. *Ткачуков И.* 1903 г. в Харькове. 2. *Ленцер Б.* Харьков в Ноябре — Декабре 1905 г. 3. *Нечволод Г.* Генерал и демонстрант. 4. *Гредескул Н.* Революционный захват университета в Харькове. 5. *Наседкин В.* Из воспоминаний о 1905 — 07 г. г. 6. *Мексина С.* Екатеринославские рабочие в 1905 г. 7. *Новополин Г.* Екатеринославский Совет Рабочих Депутатов и профессиональные союзы. 8. *Щобельников*. Декабрь 1905 г. в Александровске. 9. *Юрьев — Бык В.* 1905 г. в Житомире. 10. *Херсонцев*. В поисках пути. 11. *Раппопорт Д.* 1905 г. на ст. Долгинцево. 12. *Этнерович Г.* Воспоминания батрака о 1905 — 6 г. г. 13. *Ширман Н.* В казарме и мастерской. 14. *Бузько К.* Поповичи — революционеры. 15. *Семенов С.* Еврейские погромы в Одессе. 16. *Галкин К.* Анархистские и террористические группы в Харькове. 17. *Галкин В.* Революционный Красный Крест. 18. *Шуйский П.* Восстание декабристов. 19. Памяти И. Е. Мирошниченко. 20. *Матвеев В. И. А.* Дреого. 21. *Шепеленко И.* Памяти погибших т. т. Винокура, Червица, Пионтковского и Полесского. 22. *К. Г-н*. Памяти Н. Большакова. 23. *Палем П.* Поминки до похорон. 24. *Макаревский А.* Проф. — Письмо М. Новицкого об убийстве Петра Алексеева. 25. *Малькин*. „Пролетарская революция“. 26. *Эльцин*. „Былое“. 27. *С. Ш.* „Красная летопись“. 28. *Литвинова*. „Каторга и ссылка“. 29. *О. О. Нин*. Сборник воспоминаний. 30. *Кларк*. „Из эпохи борьбы с царизмом“.

В редактировании этого № принимали участие: Агуф М. А., Винокамень А. М., Ганенко Г. П., Залужный А. С., Казаков С. В., Кларк П. И., Кофф Г. М., Яблонский Д. Е.

Ответственный редактор: Редакционная коллегия.

Принимается подписка на 1925-26 г.
на историко-революционный журнал

„ПУТИ РЕВОЛЮЦИИ“

Всеукраинского Совета Всесоюзного Общества
Политкаторжан и Ссыльно-поселенцев.

Издание Кооперативного Издательства „ПРОЛЕТАРИЙ“

Харьков, улица Свободной Академии, № 5.

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

М. А. Агуф, В. Д. Виленский-Сибиряков, Е. П. Ганенко, К. М. Галкин,
В. М. Галкин, П. И. Кларк, Кон Феликс, Г. М. Кофф, С. И. Мартыновский,
И. С. Гуревич-Мартыновская А. Н. Макаревский, проф., В. В. Матвеев,
В. П. Мазуренко, проф., В. Е. Окольский, Н. М. Осипович, Г. И. Петров-
ский, М. Е. Постолюнская, Е. М. Рискинд, Я. Э. Рудзутак, Н. А. Скрипник,
А. А. Сухов, проф., И. П. Ткачуков, Л. Д. Троцкий, А. Г. Шлихтер,
П. Шуйский и др.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

I — Историко-революционный.

II — Каторга, ссылка и эмиграция.

III — Памяти ушедших.

IV — Из архива и жизни

V — Из жизни Общества

VI — Библиография.

Размер каждого номера от 12 до 15 печатных листов.

ЖУРНАЛ ИЛЛЮСТРИРОВАН.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

до конца настоящ. года (3 книги)	6 р.
на 1 год (6 книг)	12 „
на 1/2 года (3 книги)	6 „
на 4 месяца (2 книги)	4 „

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 2 р.

Подписная плата на журнал принимается в редакции журнала
„ПУТИ РЕВОЛЮЦИИ“, Пушкинская 49, О-во Политкаторжан и
в кооперат. издательстве „Пролетарий“, ул. Свободной Академии 5